

§ 2. Место Академии наук в культурной жизни страны

В сложных условиях революции 1917 года Академии наук удавалось оставаться признанным в России центром культуры и науки. Как уже упоминалось выше, академические ученые приняли участие в тех первых попытках демократических преобразований в стране, которые предпринимались Временным правительством.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН нам удалось выявить один интересный документ в этом плане, относящийся к небольшому отрезку истории страны, который был связан с деятельностью Временного правительства.

7 августа 1917 года руководством Российской Академии наук было получено письмо из Министерства иностранных дел России: «Препровожаем при сем обращение к Академии наук от Национального института искусств и литературы Соединенных Штатов Северной Америки... представлялось бы желательным отправить ответный адрес»¹. Письмо было подписано вице-директором Правового департамента МИД А. И. Доливо-Добровольским.

Уже 9 августа на заседании Общего собрания Академии наук академик М. А. Дьяконов, исполнявший обязанности постоянного секретаря, огласил приветственный адрес, полученный из Америки². В нем, в частности, говорилось следующее: «Мы, нижеподписавшиеся, писатели, художники и композиторы Америки, обращаемся с приветствием к своим торжествующим товарищам из России. Мы радуемся вместе с Вами успеху последней Революции, с помощью которой раз и навсегда был нанесен смертельный удар русскому самодержавию... Мы протягиваем Вам руку дружбы и торжественно обещаем отдать Вам нашу симпатию, веру и постоянно сотрудничать на благо свободы и братства человечества».

Общее собрание единогласно решило направить американским коллегам ответный адрес. Подготовка его текста на английском языке была поручена академику А. С. Лаппо-Данилевскому³. Менее чем через месяц, 2 сентября на Общем собрании академик А. С. Лаппо-Данилевский зачитал подготовленный им текст, где, в частности, указывалось следующее: «Нижеподписавшиеся русские люди науки, литературы и искусства глубоко удовлетворены Вашими дружескими приветствиями и поздравлениями с теми результатами, которых

они уже достигли в своей борьбе за свободу и представительный строй... Мы приветствуем Вашу страну и ее вступление в этот конфликт (здесь речь идет о вступлении США в войну на стороне Антанты. — В. С.) и с признательностью принимаем Ваше дружеское рукопожатие: оно будет способствовать будущему миру и росту единения свободных народов»⁴.

Академическим собранием было «положено» одобрить текст и «предложить для подписи русским ученым, литераторам и художникам, оповестив их о том путем печати»⁵ (т. е. поместить в газетах соответствующее объявление)

Однако осуществить задуманное не удалось. Только что была подавлена попытка военного мятежа генерала Корнилова, большевики начали подготовку к вооруженному восстанию с целью захвата власти. Временное правительство доживало свои последние дни... В этих условиях ответное обращение сумела подписать лишь часть российских ученых. Уже отпечатанный и частично подписанный адрес так и не был отправлен за океан. Через несколько лет этот важный документ своей эпохи вместе с посланием американских деятелей культуры был просто сдан в архив Академии наук, где ему предстояло храниться вечно.

Попытаемся теперь восстановить ход событий более подробно. Известно, что 22 марта 1917 года США признали правительство А. Ф. Керенского. В Россию была отправлена миссия во главе с известным американским общественным и политическим деятелем И. Руттом. Миссии было поручено установление контактов с Временным правительством и поиск «лучших и наиболее практических способов сотрудничества обоих народов для успешного завершения ведущейся ими борьбы во имя свободы всех народов»⁶ (речь шла о Первой мировой войне).

Вернувшись на родину, И. Рут развернул энергичную деятельность по организации поддержки американской общественностью русской революции. К этой деятельности он подключил президента Национального института искусств и литературы О. Томаса. В своем письме к нему от 17 апреля 1917 года И. Рут писал: «Россия не будет лениво кружиться в водовороте, а будет двигаться вперед вместе с мировым потоком, управляемая той мощной и непреодолимой силой, которая побуждает к развитию мысли о том, что необходимо разрушить аристократическое правительство и создать

универсальную демократию. Счастливыми должны быть наши братья-писатели и художники России, которые увидят свет прекрасного дня. Уверен, что Институт искусств и литературы, посылая им свое приветствие и надежду, передает истинные чувства всей Америки»⁷.

23 апреля в Нью-Йорке в театре Хадсона состоялась встреча писателей, художников и композиторов США «под покровительством» Национального института искусств и литературы. После вступительного слова О. Томаса был зачитан текст адреса, написанного Дж. Кеннаном и Н.-М. Батлером. Обращение было единогласно принято всеми собравшимися. Кроме упомянутых выше деятелей, документ подписали многие известные в Америке люди. Приведу несколько имен: Д.-О. Вейр — президент Общества американских художников; У.-Б. Фексн — президент американского Общества изящных искусств; Э.-Г. Блешфильд — президент национальной Академии рисунка; Д.-Н. Фридлендер — президент американского Общества архитекторов; Ф.-Х. Джиддингз — президент Клуба писателей. Всего же под адресом стоит 68 подписей! Активное участие в подготовке встречи приняло и «Общество литературы и изящных искусств».

По дипломатическим каналам адрес был отправлен в Россию и, наконец, оказался в МИДе бывшей Российской империи, находившемся тогда в Петрограде на Дворцовой площади в доме № 6. Перед сотрудниками МИДа встала непростая задача — как и кому передать это обращение? Документ предназначался российским деятелям культуры, но в царской России они не объединялись в крупные союзы и общества (это позднее, в эпоху сталинского тоталитаризма творческую интеллигенцию удалось «разместить» по соответствующим союзам и поставить всю ее деятельность под жесточайший контроль).

На мой взгляд, было принято единственно верное решение — направить адрес в Академию наук, которая по праву считалась носительницей вековых культурных традиций нации. Знаменательно, что буквально накануне (11 июля 1917 года) постановлением Временного правительства Академия была переименована из Императорской в Российскую Академию наук⁸.

Под ответным обращением успели поставить свои подписи 26 академиков. Чтобы объективно оценить значимость этой цифры, следует напомнить, что на 1 января 1918 года в состав Российской

академии наук входили всего 44 академика, в том числе 19 — по Отделению физико-математических наук; 13 — по Отделению русского языка и словесности; 12 — по Отделению истории и филологии⁹.

Практически все подписавшие адрес — ученые с мировым именем. Среди них президент Академии, выдающийся геолог А. П. Карпинский; непререкаемый секретарь, видный востоковед-индолог С. Ф. Ольденбург; представители точных наук: известный во всем мире мыслитель-естествоиспытатель В. И. Вернадский; крупнейший физиолог И. П. Павлов; математик В. А. Стеклов; гуманитарии: филолог-славист и этнограф Е. Ф. Карский; историк русской литературы Н. К. Никольский; востоковед-гебраист и семитолог П. К. Коковцев и другие. Многие из этих ученых занимались активной общественной деятельностью и по праву достойно представляли самые широкие слои отечественной интеллигенции.

Событие это, произошедшее «в минуты роковые» русской истории, на наш взгляд, является довольно убедительным свидетельством вполне заслуженного авторитета Академии наук и, одновременно с этим, одной из интересных страниц истории взаимоотношений двух стран.

После установления Советской власти, правящей большевистской партией была развернута широкая антирелигиозная пропаганда, одновременно с этим было начато разрушение духовных школ, насаждалось негативное отношение к духовному культурному наследию, к предметам церковного искусства, к памятникам славянской письменности, к церковной архитектуре.

В сложившихся тяжелых условиях Академия наук не прекращала своей деятельности по сохранению отечественного и общеславянского культурного наследия. В этой связи, следует вспомнить те усилия, которые предпринимал руководитель Отделения Русского языка и словесности РАН (далее ОРЯС), академик А. А. Шахматов по спасению «Русской Библейской комиссии» (другое название — «Комиссия по созданию славянской Библии»).

На заседании Библейской комиссии, проходившем 28 января 1918 года, было принято следующее решение: «Согласно предложению академика А. А. Шахматова, просить Академию наук взять на себя заботу о защите перед Советскими властями Библейской комиссии как научного учреждения и внести смету Комиссии на 1918 год в общую смету Академии наук»¹⁰.

Добиться финансирования работ Комиссии, правда, не удалось, но сам факт изменения общественно-правового положения Библейской комиссии, когда она теперь уже официально считалась «состоящей при ОРЯС Академии наук», позволял ей продолжать свою научную работу.

В феврале 1921 года, опять же благодаря усилиям руководства Академии наук, на таких же организационно-правовых основаниях в состав Академии наук вошло и «Славянское научное общество» — одна из известных в дореволюционной России научно-общественных организаций¹¹.

Таким образом, в сложных условиях первых лет Советской власти Академия наук способствовала тому, чтобы Комиссия по научно-му изданию Славянской Библии не прекращала своих работ. Правда, следует сказать, что, несмотря на все, поистине героические, усилия и многочисленные попытки Академии обеспечить финансирование этих работ, как, впрочем, и работ ряда других гуманитарных академических структур, необходимых средств часто не удавалось получить. Поэтому работа Комиссии в основном осуществлялась за счет энтузиазма ее членов. Так, академик В. М. Истрин в 1921–1922 годах не раз из собственных средств финансировал работы по переписке древнеславянских библейских текстов с целью подготовки научных изданий.

Архивные документы свидетельствуют об огромных трудностях финансового порядка в деле обеспечения жизнедеятельности Комиссии. Вот несколько примеров из документов; кстати, они же дают нам представление и о многогранности тематики научных изысканий, проводимых ее активом.

На заседании ОРЯС в феврале 1923 года рассматривался вопрос о возможности напечатания труда члена Комиссии А. В. Михайлова о Книге Бытия (в частности, были подготовлены славяно-греческий и греко-славянский словари). При этом было постановлено: «...известить А. В. Михайлова о готовности Отделения напечатать его труд в своих изданиях, но, ввиду не зависящих от Отделения обстоятельств, без указания времени напечатания»¹².

В сентябре 1924 года в ОРЯС обратился секретарь Библейской комиссии И. М. Тарабрин с просьбой оказать ему хотя бы небольшую материальную помощь на завершение работ, начатых еще 20 лет тому назад, о Симеоне Полоцком, Карионе Истомино, о лицевой Библии Пискатора, о великом Зерцале и о других памятниках

XVII века. Академик М. Н. Сперанский в письме к академику В. М. Истрину поддержал эту просьбу, при этом подчеркивалось, что ученый не имеет материальных возможностей завершить упомянутые работы. Легко представить себе чувства, которые испытывали ученые, вынужденные принять на заседании ОРЯС постановление о том, что «признавая все значение работ И. М. Тарабрина для истории русской литературы XVII века, Отделение не имеет средств для оказания ему какой-либо материальной помощи»¹³.

ОРЯС часто было не в состоянии оплатить даже им же заказанные работы. Так члену Библейской комиссии Ф. А. Мартинсону Отделением был заказан библиографический указатель к Описанию рукописей собрания Саввантова. К марту 1925 года работа была Ф. А. Мартинсоном выполнена, и указатель объемом в 10 650 карточек представлен в ОРЯС. Однако на заседании Отделения ученые были вынуждены принять следующее, довольно характерное для тех лет, решение: «Передать труд Ф. А. Мартинсона на хранение в библиотеку до могущей открыться возможности напечатать и сообщить ему, что ввиду полного отсутствия каких бы то ни было средств, Отделение лишено возможности оплатить его труд»¹⁴.

В своем отчете о работе в 1925 году, руководство Академии наук вынуждено было отметить, что «Комиссия на научному изданию Библии» за отсутствием средств должна была до чрезвычайности ограничить свою работу и лишь в незначительных рамках готовила материалы к печати»¹⁵.

Результаты деятельности Библейской комиссии имели высокую научную значимость еще и потому, что в связи с ликвидацией духовных школ, сама церковь была практически лишена возможности вести научную работу.

Комиссия была ликвидирована в 1929 году в процессе коренного реформирования Академии наук Советским правительством. Однако надо отметить, что благодаря энергичным усилиям Академии наук, разрыв в отечественной традиции изучения Библейских текстов и подготовка их к изданию, все-таки, оказался на 11 лет меньше, чем это могло бы быть.

В 1923–1924 годах руководство Академии продолжало обращаться в правительственные органы с просьбами о преобразовании Академии во всесоюзное учреждение. Очередной

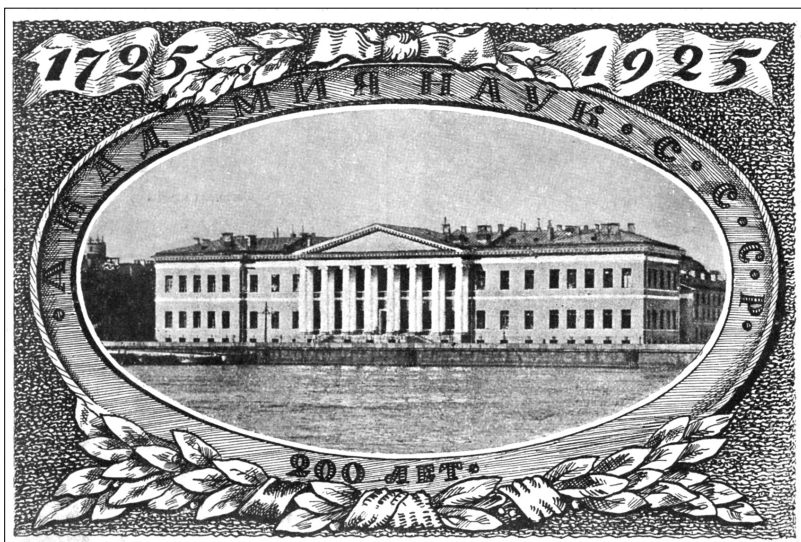
документ по этому вопросу был отправлен в феврале 1925 года, это была «Записка Академии наук в СНК о всесоюзном характере ее работы». Суть этого пространного документа можно вкратце свести к следующему: «Плодотворная дальнейшая работа Российской Академии наук при масштабе ее деятельности, проникающей в интересы первостепенной важности всех республик Союза, возможна без напрасных помех только в том случае, если Российская Академия наук не только будет признана теоретически учреждением всесоюзным, но и практически будет поставлена в положение, формально связанное с каким-либо высшим государственным всесоюзным органом. Наиболее целесообразным было бы сделать Российскую Академию наук ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров СССР, через который удобно было бы проводить смету Академии»¹⁶ (последний момент данной «формулы» был самым сокровенным и важным для ученых).

Вопрос этот несколько раз обсуждался на заседаниях правительства. Наконец, А. В. Луначарский в своем письме от 20 июля 1925 года сообщил непременно секретарю С. Ф. Ольденбургу, что «правительством уже предreshено преобразование Академии во всесоюзное учреждение»¹⁷. 27 июля 1925 года было принято постановление ЦИК СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР»¹⁸. В нем говорилось:

1. Признать Российскую Академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и действующим на основании Устава, утвержденном последним.

2. Присвоить означенной Академии наименование «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик».

Постановление это подписали один из председателей ЦИК СССР А. Г. Червяков, председатель СНК СССР А. И. Рыков, секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе¹⁹. Через несколько дней Академией была получена поздравительная телеграмма А. И. Рыкова, в ней, в частности, говорилось: «Уверен, что Академия наук Союза Советских Социалистических Республик сумеет принести Союзу всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР»²⁰.



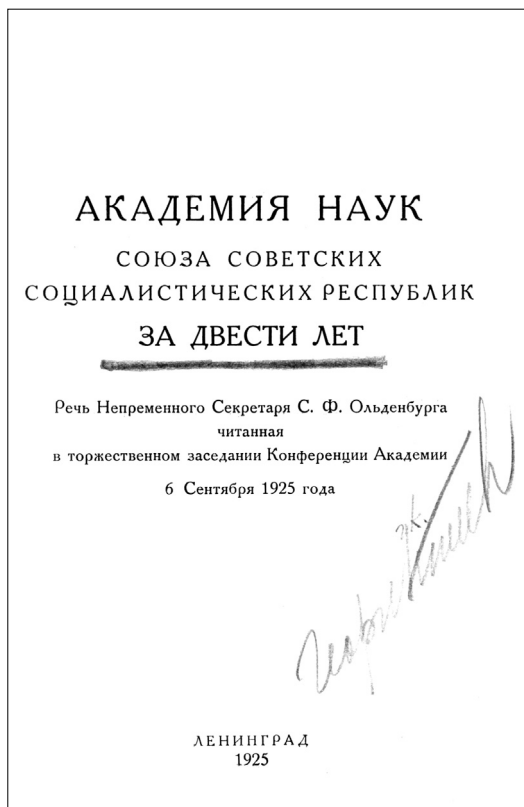
Почтовая открытка, выпущенная в честь 200-летнего юбилея Академии наук

Принятие правительственного постановления о признании Академии всесоюзным учреждением по времени совпало с празднованием ее 200-летнего юбилея. Подготовка к этому юбилею началась заблаговременно, еще в 1922 году. Тогда недавно созданный Особый временный комитет науки при СНК постановил создать специальную юбилейную комиссию. В нее вошли представители Академии, Петроградского губисполкома, Петроградского отделения Главнауки и др. Было принято решение юбилейные торжества провести в сентябре 1925 года. Соответственно, были разосланы приглашения научным учреждениям, отечественным и зарубежным ученым.

В течение 1923–1924 годов Академией велась интенсивная переписка с Наркомпросом и СНК об отпуске средств на предъюбилейные подготовительные работы. Были произведены ремонт академических зданий и помещений, обновление оборудования лабораторий, перестройка музейных экспозиций. Ряд академических учреждений осуществил выпуск юбилейных научных и научно-справочных изданий.

25 июля 1925 года СНК принял постановление «О праздновании двухсотлетнего юбилея Российской Академии наук». Приняв во внимание заслуги Академии в развитии науки, правительство признало возможным считать юбилей «общесоюзным празднеством»²¹. Торжественное заседание проходило 6 сентября в зале Ленинградской филармонии. С приветствием от ЦИК СССР и СНК СССР выступил М. И. Калинин. В приветствии, в частности, выражалась уверенность в том, что «в предстоящем столетии в условиях новых социальных отношений Академия наук сможет во всей силе и во всем блеске развернуть научную работу и осуществить новые научные достижения»²². Для историка представляет интерес выступление А. В. Луначарского, который, в частности, сказал: «Конечно, не сразу сговорилось правительство, поставившее перед собой такие широчайшие научно-практические цели, с самими учеными. Но, кажется, время колебаний и исканий прошло, и в настоящее время свою огромную научную работу Советское правительство творит, опираясь на руку русских ученых»²³. Далее вице-президент В. А. Стеклов огласил приветствия, полученные от А. И. Рыкова и председателя Моссовета Л. Б. Каменева. Вечером того же дня состоялся банкет в Мраморном зале Русского музея на 800 человек²⁴. 9 сентября участники юбилейных торжеств познакомились с выставкой, подготовленной Библиотекой АН, на которой были представлены все академические издания за 200 лет (18 тыс изданий), и с выставкой документов, подготовленной Архивом АН СССР. Потом состоялся прием, устроенный Ленсоветом во дворце им. Урицкого (Таврический дворец), где с речью выступил Г. Е. Зиновьев. 11 сентября торжества были продолжены в Москве, заседание проходило в Большом зале Московской консерватории, там с речами выступили П. Г. Сидович и Л. Б. Красин²⁵.

Всего Академией было получено более 2 тыс приветствий и адресов, на торжествах присутствовало 130 иностранных ученых из 24 стран. С. Ф. Ольденбург в своей речи на торжественном заседании Конференции Академии наук 6 сентября 1925 года подвел основные итоги юбилея. Он, в частности, сказал о том, что «всесоюзность Академии наук декретированная ЦИК-ом СССР, создает для Академии новые возможности и налагает на нее новые обязанности»²⁶.



*Брошюра с текстом речи академика С. Ф. Ольденбурга,
в связи с празднованием 200-летия Академии наук. 1925 год*

Большое положительное значение имело празднование 200-летнего юбилея для восстановления международного авторитета и международных научных связей Академии, утраченных в результате мировой войны и революции. Особенно эффективные результаты дало налаживание деловых контактов с германскими учеными, в частности, с Прусской Академией наук в Берлине²⁷.

Глубокие и многосторонние связи, существовавшие между Берлинской и Российской Академиями наук, были прерваны с началом Первой мировой войны. Волею судьбы ученые обеих стран

оказались «по разные стороны баррикады», но в августе 1914 года никто не мог и предполагать, что подобное драматическое положение сохранится долгие 8 лет. Нормальный ход исторических событий не мог восстановиться и после завершения мировой войны, в связи с тем, что на огромных территориях бывшей Российской империи до 1921 года шла гражданская война.

Элементарная логика, здравый смысл, наконец, глубокие традиции настоятельно требовали возобновления связей между двумя Академиями наук. Кроме того, это обуславливали еще и нелегкие обстоятельства блокады, в которых оказались обе страны. Ученые государств победившей в войне коалиции проводили жестокий бойкот немецкой науки и ученых. Достаточно сказать, что за период с 1922 по 1924 года в разных странах было организовано и проведено 106 международных научных конгрессов, и на 86 из них немецких ученых просто не пригласили²⁸.

Российские ученые находились в еще худшем положении, чем их немецкие коллеги. К весьма неоднозначному отношению к ним со стороны ученых стран бывшей Антанты добавлялись «стальной занавес» общей блокады Советской России и крайняя финансовая нищета.

Уже в мае 1921 года между правительствами Германии и России было подписано соглашение «О торгово-экономических отношениях», а окончательно дипломатические отношения были восстановлены в апреле 1922 года, в результате подписания Рапалльского мирного договора. Таким образом, сложившиеся исторические обстоятельства объективно способствовали всемерному сближению и сотрудничеству ученых двух стран.

Следует отметить, что еще задолго до окончания гражданской войны руководители Российской Академии наук неоднократно предпринимали попытки восстановить связи с зарубежными учеными, в частности, с немецкими коллегами. По этому поводу неприменный секретарь РАН, академик С. Ф. Ольденбург в Отчетном докладе о деятельности Академии за 1919 год указывал: «Все попытки академии узнать что-либо о научной деятельности за границей не увенчались до сих пор успехом, мы все еще в полном неведении о ходе научных исследований на Западе и Востоке»²⁸.

Самых первых положительных результатов в этом направлении удалось достигнуть лишь после подписания упомянутого

выше германо-российского соглашения «О торгово-экономических отношениях». В соответствии с ним, в Берлине был открыт ряд представительств Советской России, и в их числе «Заграничное Бюро Наркомпроса», возглавляемое З.Г. Гринбергом, и «Бюро Иностранной науки и техники» под председательством профессора Н.М. Федоровского. Именно благодаря энергичной деятельности этих учреждений удалось возобновить диалог ученых Германии и России.

Так, в начале января 1922 года З.Г. Гринберг сообщил президенту РАН А.П. Карпинскому о том, что «в академиях западных стран накоплен за годы войны огромный материал для обмена с Российской Академией, и что Заграничное Бюро готово взять на себя функции посредника по организации этого обмена»²⁹.

Началом конкретных действий по возобновлению взаимоотношений между Берлинской и Российской Академиями можно считать письмо Берлинской Академии от 17 марта 1922 года, в котором говорилось «о готовности возобновить обмен научными изданиями»³⁰. Немецкие коллеги также просили сообщить им, на каких номерах была в августе 1914 года прекращена высылка Российской Академии изданий «Sitzungsberichte» и «Abhandlungen».

Отметим, что в первую очередь, Берлинскую Академию интересовала присылка научных трудов академической Комиссии изучения естественных производительных сил (КЕПС). Уже в октябре–ноябре 1922 года Берлинской Академией были получены труды КЕПС 60 наименований, в том числе издания серий «Естественные производительные силы», «Богатства России», журнал «Природа» и др.³¹

Книгообмен был, естественно, взаимным. Так, в отчете Библиотеки РАН за 1923 год, в частности, указывалось, что за год получено из Германии 835 названий книг (всего из-за границы поступило 1 850 названий книг), также из Германии было получено 214 названий периодических изданий (всего было получено из-за границы 550 названий периодики)³².

Научный книгообмен между двумя Академиями приобретал все более широкие масштабы. Так, в июне 1926 года Берлинской Академией было получено письмо АН СССР, в котором подчеркивалось, что «АН СССР высылает неукоснительно все, без исключения, печатаемые ею издания». Следует указать на то, что в 1927 году АН СССР издала свои научные труды в объеме 1 567 печатных листов, что уже превышало масштабы довоенного академического

книгоиздания»³³. (В 1913 году были выпущены труды в объеме 1 434 печатных листа³⁴.)

Знаменательным событием в деле укрепления связей двух Академий стал факт избрания в декабре 1922 года члена Берлинской Академии наук А. Эйнштейна членом-корреспондентом РАН. Его рекомендовали к избранию академики А. Ф. Иоффе, П. П. Лазарев и В. А. Стеклов. В «Записке об ученых трудах А. Эйнштейна» они отметили, что он является «наиболее выдающейся фигурой в современной теоретической физике», а его труды отличают «смелость и новизна мысли»³⁵.

Несколько опережая ход событий, отметим, что в ноябре 1927 года известный российский ученый, непреходящий секретарь АН СССР С. Ф. Ольденбург был, в свою очередь, избран членом-корреспондентом Берлинской АН.

Постепенно стали возобновляться и научные командировки ученых обеих Академий. Так, в 1924 году в Берлин были командированы сотрудники РАН: академики В. А. Стеклов и С. Ф. Платонов, профессора В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, Ю. А. Филипченко.

Важной вехой в укреплении взаимоотношений между двумя Академиями стали подготовка и проведение празднования 200-летнего юбилея РАН в августе–сентябре 1925 года. Весной 1925 года ряд важных вопросов этого сотрудничества обсуждался во время встреч вице-президента РАН академика В. А. Стеклова с непреходящими секретарями Берлинской Академии профессорами М. Планком, Г. Людерсом, В. Раумбергом³⁶.

В частности, было принято решение об участии представителей Берлинской АН в юбилейных торжествах. Руководство Берлинской АН в своем письме от 16.06.1925 г. выразило благодарность за приглашение на юбилей и сообщило, что представителями Академии будут профессор М. Планк и Г. Людерс³⁷.

Немецкую делегацию, прибывшую на празднование юбилея РАН, возглавлял президент Общества содействия развитию немецкой науки, министр Ф. Шмидт-Отт.

Представители Берлинской АН вручили руководителям РАН поздравительный адрес, хранящийся в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН³⁸.

Именно во время юбилейных торжеств состоялись основательные переговоры об организации совместных германо-советских

научных проектов и, конечно, о сотрудничестве двух Академий. С советской стороны в переговорах приняли участие народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, управляющий делами Правительства Н. П. Горбунов, руководители РАН.

В октябре 1925 года переговоры были продолжены в Берлине, куда для этой цели прибыл Н. П. Горбунов. Тогда с руководством Берлинской АН были достигнуты конкретные договоренности об активном участии обеих Академий в масштабных по тому времени совместных научных проектах³⁹. Назовем некоторые из них: обширная экспедиция в Монголию; исследования по генетике растений с участием Н. Вавилова и О. Фогта; изучение проблем борьбы с малярией в низовьях Волги; экспедиция по изучению Северной Сибири на цеппелине. В большой степени эти и ряд других научных проектов удалось выполнить во второй половине 1920-х годов.

В 1930-х годах взаимоотношения между учеными Германии и СССР стали осложняться в связи с резкими политическими изменениями, произошедшими в обеих странах. А с началом Второй мировой войны эти связи вновь были прерваны.

Наша сегодняшняя совместная научная работа является, может быть, и скромным, но достаточно знаменательным моментом в истории традиционных взаимоотношений между учеными двух стран.

Экспедиционная деятельность Академии наук основывалась на ее давних традициях, ведущих свое начало со знаменитых экспедиций Д. Г. Мессершмидта. В 1920-е годы основные параметры этой академической деятельности неуклонно возрастали. Данное обстоятельство с достаточной убедительностью свидетельствовало о том, что Академия наук в то время являлась признанным в стране центром культуры и науки.

Один из главных организаторов этой работы академик А. Е. Ферман писал об этом следующее: «Академия производит комплексные экспедиционные работы по всестороннему изучению естественных производительных факторов и населения союзных и автономных Республик. В этой работе она ставит себе задачей содействие, на почве научных исследований и изучения местных бытовых и природных условий, культурно-хозяйственному строительству как отдельных, в особенности, далеких окраинных молодых Республик, так и всего нашего Союза»⁴⁰.

В связи с признанием за Академией наук в 1925 году статуса «Высшего ученого учреждения СССР», к ней стали все чаще и чаще обращаться за научной помощью отдельные союзные и автономные республики. Если в 1925 году Академией наук было осуществлено 12 научных экспедиций в разные регионы СССР, то уже в 1927 году Академией было организовано и проведено 44 подобных экспедиции⁴¹.

Так, в ноябре 1925 года по поручению Совета труда и обороны СССР началась работа по организации экспедиции в Таджикистан. План ее был разработан специалистами Музея антропологии и этнографии АН СССР. Экспедиция, проводившаяся под руководством ученых-хранителей МАЭ И. И. Зарубина и Б. Н. Вишневого, произвела в регионе целый комплекс исследований: этнографических, антропологических, лингвистических и др.⁴² При этом были изучены особенности духовной культуры населения, проведены обследования экономических условий хозяйственной деятельности и др.

В декабре 1925 года в Академию наук обратилось правительство Казахской ССР с просьбой «взять на себя организацию научно-исследовательской экспедиции в районы кочевого и полукочевого хозяйствования, с целью организации государственного землеустройства»⁴³. Казахская экспедиция АН СССР несколько лет проводила свою работу в республике. Был организован ряд отрядов: почвенных, геоботанических, статистико-экономических. В результате их деятельности были подготовлены все материалы, необходимые для проведения землеустройства; был обобщен опыт изучения состояния животноводства; велась разведка полезных ископаемых и др.

В 1927 году по заданию Совета труда и обороны СССР Академией наук проводилась экспедиция по обследованию хлопководческих районов Закавказья. Экспедиция, руководство которой осуществлял академик Д. Ю. Левинсон-Лессинг, провела комплекс геологических и гидрологических изысканий в районе озер Гокчи и Алагез, с целью разрешения проблемы орошения годных для хлопководства засушливых земель Армении. Кроме того, озеро Гокчи изучалось для решения задач энергетики и рыбного хозяйства⁴⁴.

Всего же за первые десять лет Советской власти Академией наук было предпринято 280 экспедиций, причем проводились они

не только с целью решения задач научного характера, но и в соответствии с запросами развития народного хозяйства и культурного строительства в этих молодых республиках.

С наступлением мирного времени советские правительственные органы все чаще обращались в Академию наук с поручениями дать научно обоснованные экспертные заключения по тем или иным вопросам государственного строительства, развития народного хозяйства и культуры.

Так, Управление делами Совнаркома СССР в ноябре 1925 года прислало на заключение проект Постановления ЦИК и СНК СССР «О производстве в 1926 году демографической сельскохозяйственной, промышленной и торговой переписи»⁴⁵. Ведущими специалистами Академии наук это заключение было подготовлено и направлено в Совнарком. Кроме того, по предложению правительства несколько ученых приняли участие в работе съезда Центрального статистического управления СССР, где обсуждалась эта проблема. Для этой цели в Москву были командированы сотрудник КИПС В. П. Семенов-Тянь-Шанский, а также сотрудники Якутской комиссии В. Д. Халдеев и С. П. Швецов.

В начале 1927 года Управление делами Совнаркома поручило Академии наук дать свое заключение о подготовленном проекте издания «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» на турецком языке и о возможном его практическом применении в соответствующих регионах СССР.

Текст отзыва был подготовлен членом-корреспондентом АН СССР А. Н. Самойловичем и направлен в правительство⁴⁶. Любопытно, что отзыв, подготовленный ученым, был отрицательным. Суть этой проблемы заключалась в том, что перевод правительственных актов был осуществлен с русского языка на «османо-турецкий», а последний, по заключению А. Н. Самойловича, «у нас в стране практически не применялся».

История эта имела свое продолжение. Видимо, после соответствующей переработки текста, Управление делами Совнаркома уже в июне 1928 года вновь обратилось к Академии наук с просьбой дать заключение на новый вариант перевода на турецкий язык «Собрания узаконений и распоряжений...» Опять эта работа была поручена А. Н. Самойловичу.

В архивном фонде Канцелярии Академии наук хранится копия подготовленного ученым «Отзыва о переводе на азербайджано-турецкий язык Собрания законов и распоряжений», направленного в Совнарком⁴⁷.

Надо полагать, что это дело, затеянное Управлением делами, оказалось очень нелегким. В «Отзыве», в частности, указывалось следующее: «Что касается языка перевода, то больших улучшений сравнительно с прошлыми годами не произошло». Здесь же приводились и конкретные негативные примеры этого положения:

— слово «эмиры» не подходит для обозначения начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии;

— слово «доход» переведено как «налог»;

— выражение «вьючные животные» переведено как «животные с завитой шерстью» и т. д.

В начале 1926 года в Академию наук обратилось руководство Главной палаты мер и весов СССР с просьбой подготовить заключение о тех «основных единицах измерения», которые разрабатываются Палатой, в соответствии с «Законом о мерах и весах». Данная работа была поручена физико-математическому институту АН СССР и выполнена им⁴⁸.

Позднее, в сентябре 1927 года в Академию наук обратилось руководство Центральной метрической комиссии СССР — правительственной структуры, которая занималась организацией внедрения десятичной системы мер и весов на огромных пространствах СССР.

Комиссия просила дать заключение о проекте «Правил отклонения наименований названий мер»⁴⁹. Текст этого заключения был подготовлен филологом Б. М. Ляпуновым и направлен в октябре того же года в «Ценметр СССР».

В феврале 1927 года Академии наук пришлось выполнять важное поручение ВЦИКа по подготовке заключения по проекту сооружения Волго-Донского канала. Для этой цели была создана специальная комиссия под председательством академика В. И. Вернадского. Заключение было дано как по проекту в целом, так и по отдельным его частям⁵⁰.

В 1920-е годы постепенно восстанавливались международные научные связи Академии наук, которые сначала заметно ухудшились в период Первой мировой войны, а позднее были совершенно

нарушены во время революционных потрясений и Гражданской войны. Безусловно, давний и заслуженный международный авторитет Академии наук весьма способствовал восстановлению прежнего положения дел.

Налаживался взаимный обмен научной литературой. Это стало возможным после принятия нескольких соответствующих правительственных актов. Прежде всего, здесь следует вспомнить Постановление Совнаркома РСФСР № 847 от 15 марта 1922 года, которым Академии наук было предоставлено право беспошлинного получения из-за границы научной литературы, приборов и инструментов⁵¹.

Приведем некоторые обобщенные данные о размерах научного книгообмена в те годы⁵².

	Поступило из-за границы	Отправлено за границу
1923 г.	11 500 экз.	9 000 экз.
1927 г.	28 000 экз.	55 000 экз.

К началу 1928 года Академия наук состояла в научном обмене с 511 учреждениями, являвшихся культурными центрами: 24-х государств в Европе; 7 — в Азии; 4 — в Африке; 10 — в Америке и Австралии. В их число входили все Академии наук, важнейшие университеты, научные общества и т. д.

Возрастало и количество заграничных научных командировок академических ученых, причем научные работники прилагали все усилия к тому, чтобы оптимально, с пользой для науки использовать возможность этого редкого для того времени вида своей деятельности.

Так, академик В. В. Бартольд по приглашению Министерства народного просвещения Турецкой Республики летом 1926 года работал в Константинопольском университете. Там ученым был прочитан курс лекций по истории турецких народностей в Средней Азии. Он проводил изучение рукописных памятников в архивах и библиотеках Константинополя. Кроме того, по поручению НКВД и руководства Академии наук, В. В. Бартольд вел переговоры с турецкими коллегами о перспективах научного сотрудничества между СССР и Турцией. В частности, переговоры велись о возможности восстановления в Турции Российского научного института

и о возможности совместного издания «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова⁵³.

В октябре 1926 года делегация АН СССР, возглавляемая академиком В. Л. Комаровым, приняла участие в работе III Всетихоокеанского конгресса в Токио. Учеными была подготовлена выставка «Русские научные исследования Тихого океана», она размещалась в обширном зале и была открыта в первый день заседаний конгресса. Членами делегации было сделано 6 докладов. После заседаний советские ученые занимались сбором этнографических, ботанических и зоологических коллекций, приобретением научной литературы и т.д. В общем, по результатам этой командировки, делегацией было доставлено из Японии в Ленинград 33 ящика весом в 87 пудов коллекционного материала, книг, карт и пр.⁵⁴

В работе I Международного конгресса почвоведов, проходившем в июне в 1927 года в Вашингтоне, приняла участие весьма представительная делегация АН СССР, в ее состав входило 11 ученых. Все делегаты выступили с серьезными научными докладами, которые позднее были опубликованы в отдельном сборнике⁵⁵.

О динамике заграничных научных командировок академических ученых в 1920-е годы свидетельствуют следующие обобщенные сведения⁵⁶.

— В 1920 году было 10 командировок.

— В 1927 году было 66 командировок (в том числе 29 — в Монголию).

Представители Академии наук неоднократно приглашались Международными научными организациями принять участие в их деятельности. Так, в апреле 1928 года через НКВД было получено предложение от международной «Комиссии по реформе календаря» при Лиге наций направить своего представителя для работы в этой Комиссии. Представителем Академии наук в этой организации стал академик Н. К. Никольский⁵⁷.

В первые годы Советской власти в Академии наук продолжала развиваться традиция празднования юбилеев, связанных с историей науки и культуры, с деятельностью их выдающихся представителей. В этом нашло свое отражение желание академических ученых показать преемственность в развитии культуры и науки; еще раз обозначить их место и роль в жизни общества; отдать дань уважения своим замечательным предшественникам.

Следует сказать о том, что Академией наук торжественно отмечались памятные даты, связанные с деятельностью не только представителей отечественной культуры и науки, но и их зарубежных коллег. Это было проявлением глубокой убежденности академических ученых в том, что наука имеет интернациональный характер, что деятельность советских ученых должна служить делу мирового прогресса.

Академик А. Е. Ферсман следующим образом характеризовал эту сторону деятельности Академии наук в 1920-е годы: «Ежегодно Академия наук организовывала в связи с теми или иными юбилейными датами 5–6 заседаний, посвященных отдельным вопросам. Эти торжественные собрания, созываемые обычно в большом конференц-зале Академии, тесно связывали широкие научные круги с работами самой Академии, и потому Академия все шире и шире развивала свою деятельность в этом направлении.

В этих собраниях принимают участие своими докладами также и крупнейшие специалисты, стоящие вне Академии, чем достигается объединение научных сил вокруг общей академической работы»⁵⁸.

Прежде всего, проводились юбилеи, связанные с историей науки. Так, в августе 1922 года состоялось совместное торжественное заседание РАН, Академии истории материальной культуры и Русского Археологического общества «по случаю 200-летия осмотра императором Петром I развалин древнего Булгара во время Персидского похода»⁵⁹. Это историческое событие ученые считали началом отечественной археологии, изучения и охраны памятников истории и культуры.

На торжественном заседании, проходившем в Академии истории материальной культуры, в Белом зале Мраморного дворца, был сделан ряд научных докладов:

- академиком С. Ф. Платоновым «Петр Великий и персидский поход»;
- академиком В. В. Бартольдом «Новые сведения о Дербенд-Намэ»;
- академиком С. Ф. Ольденбургом «Об отношении Петра Великого к востоковедению»;
- профессором Р. Р. Фасмером «Персидские монеты с надчеканкой императора Петра III».

В апреле 1925 года в Академии наук отметили 100-летие бразильской экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа⁶⁰. На торжественном заседании был заслушан доклад ученого хранителя Музея антропологии и этнографии В. Г. Богораз-Тана. Тогда же, по предложению академика С. Ф. Ольденбурга, было принято решение об издании работ ученого-этнографа Г. Г. Манизера «Жизнь и путешествия академика Г. И. Лангсдорфа» и «Очерк русской экспедиции в Бразилию академика Г. И. Лангсдорфа». Академической Комиссией по экспедициям была разработана специальная лекция по данной теме.

В феврале 1927 года в Академии наук состоялось торжественное заседание, посвященное окончанию 45-летней работы члена-корреспондента Академии наук Э. К. Пекарского «по составлению словаря якутского языка». Доклад на этом заседании был сделан академиком В. В. Бартольдом⁶¹.

Весной 1928 года учеными отмечалось столетие инициативы члена-корреспондента Академии наук П. М. Строева об организации знаменитой Археографической экспедиции. По существу, с этого события вела свое начало и Археографическая комиссия, трудами которой за 100 лет были достигнуты важные результаты в деле изучения и сохранения памятников истории и культуры в России.

Общим собранием Академии наук было принято решение об издании сборника документов и материалов о деятельности Археографической комиссии, с историческим очерком А. И. Андреева⁶².

В эти годы в Академии наук проводились заседания в память российских ученых, ушедших из жизни, академиком: В. В. Радлова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, И. В. Ягича, В. А. Стеклова и др.

Академические ученые отдавали дань памяти и своим зарубежным коллегам. Например, были проведены торжественные заседания в честь Ж. Ф. Шамполлиона (1922 г.), Э. Канта (1924 г.), М. Бертелло (1927 г.), А. Вольта (1927 г.) и др.

Так, в начале 1927 года проходили юбилейные мероприятия в честь 200-летия со дня смерти И. Ньютона. В Большом конференц-зале Академии было проведено совместное заседание АН СССР и Главной Российской астрономической обсерватории, оно состоялось 20 марта. Заседание открыл президент АН СССР А. П. Карпинский, с докладами выступили академики

А. А. Белопольский, П. П. Лазарев, член-корреспондент Академии наук А. А. Иванов⁶³.

Отметим одну интересную подробность этого события. Для соответствующего оформления конференц-зала были временно доставлены бюст И. Ньютона из Физико-Математического института и большой его портрет из Астрономической обсерватории.

Правда, в мирное течение академической жизни иногда вмешивалась политика. Так, в 1924 году, в связи с юбилеем Э. Канта, руководством Академии наук, по решению ее Общего собрания, был подготовлен официальный приветственный адрес Кенигсбергскому университету. Но осуществиться этому благому намерению было не суждено. Совершенно неожиданно для ученых было получено письмо от наркома просвещения А. В. Луначарского. В нем сообщалось о том, что Главное управление научных учреждений Наркомпроса (Главнаука), «высказалось решительно против официального участия Академии наук в чествовании Канта». Нарком одновременно сообщил и о своей личной позиции в этом вопросе: «Я, тем менее, решаюсь на этом настаивать»⁶⁴.

После этого демарша власти Общим собранием Академии наук было спешно принято решение «вместо официального адреса направить Университету краткую приветственную телеграмму».

Академические ученые считали науку важнейшей составной частью культуры как таковой. В связи с этим в Академии наук проводились празднования юбилеев, связанных со знаменательными событиями отечественной и мировой культуры, с жизнью и деятельностью замечательных ее представителей. Подобные юбилейные мероприятия служили делу повышения авторитета и значимости Академии наук в жизни советского общества.

Так, в 1924 году в Академии наук были организованы юбилейные торжества в связи со 125-летием со дня рождения А. С. Пушкина. Еще в ноябре 1923 года на Общем собрании Академии наук был утвержден состав Юбилейной комиссии. В нее вошли неременный секретарь С. Ф. Ольденбург, все академики члены Отделения русского языка и словесности, и. о. директора Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский.

8 июня 1924 года состоялось публичное торжественное заседание ОРЯС и Пушкинского Дома. На нем выступили академик М. Н. Розанов с докладом «Итальянские отзвуки в лирике Пушкина»

и Б. Л. Модзалевский с докладом «О деятельности Пушкинского Дома за 25 лет». В Пушкинском Доме была открыта большая выставка «Жизнь Пушкина»⁶⁵.

В 1928 году Академией наук было торжественно отмечено 100-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Юбилейная комиссия была создана на Общем собрании АН в январе 1928 года. В ее состав вошли академики В. И. Истрин, Н. К. Никольский, В. Н. Перетц, П. А. Лавров и другие ученые.

Торжественное заседание Академии состоялось 10 сентября 1928 года, его открыл президент АН СССР А. П. Карпинский. На нем выступили академик В. Н. Перетц с докладом «Толстой — моралист и художник», Н. И. Кареев — с докладом «Толстой и Карлейль». К юбилею в Толстовском музее АН были открыты новые экспозиции: «Толстой и цензура», «Нелегальный Толстой», «Толстой в карикатурах»⁶⁶.

В декабре 1930 года в Академии наук было торжественно отмечено 75-летие со дня смерти Г. Гейне. На заседании с докладами выступили академики А. В. Луначарский и М. Н. Розанов⁶⁷.

Академия наук принимала активное участие в проведении торжеств, посвященных юбилеям, связанным с историей отечественного искусства. Позволим себе только перечислить некоторые из них. Это были юбилеи — А. И. Сумбатова-Южина (1922 год), В. В. Стасова (1923 год), И. Е. Репина (1924 год), Малого театра (1924 год), Музея А. Бахрушина (1924 год), Большого театра (1925 год), артиста Ю. М. Юрьева (1927 год), архитектора Л. Н. Бенуа (1928 год) и др.

Отметим еще одну весьма положительную черту «юбилейной деятельности Академии наук в 1920-е годы. Это ее участие в юбилейных торжествах, связанных с провинциальными центрами культуры. Приведем некоторые примеры: Это участие в праздновании 175-летия Ярославского театра им. Ф. Г. Волкова; 100-летнего юбилея археологических раскопок в Херсонесе (в Херсонесском музее); 50-летие Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета и др. В этом отразилась академическая традиция плодотворного сотрудничества с коллегами из провинции, расширения географии научно-исследовательской работы.

В первые годы Советской власти Академии наук не раз приходилось прибегать к помощи своего же авторитета и известности в стране, с целью оказания содействия коллегам — представителям

отечественной культуры и науки, оказавшимся, в силу исторических причин, в трудном положении. Прежде всего, это касалось улучшения тяжелого материального положения, в котором оказалась часть творческой интеллигенции в результате проведенных революционных преобразований.

Так, в апреле 1922 года по ходатайству руководства Академии наук были «назначены академические пайки» проживавшим в Казани вдове и дочери известного востоковеда, профессора Н. Ф. Катанова⁶⁸.

В феврале 1924 года руководители Академии наук направили письмо в Тобольский губисполком, в связи с тем, что местный ученый, давнишний корреспондент Музея антропологии и этнографии РАН А. А. Дунин-Горкавич был местными властями выселен из собственного дома. По данному письму Губисполком посчитал необходимым принять срочные соответствующие меры, а Академии наук сообщил о том, что «А. А. Дунину-Горкавичу предоставлен в пожизненное безвозмездное пользование принадлежавший ему дом»⁶⁹.

В августе того же года непреходящий секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург обратился с письмом в Наркомпрос, где просил «об усилении пенсии» литератору Е. П. Султановой (псевдоним ее — Ек. Леткова). Свою просьбу С. Ф. Ольденбург подкреплял и перечислением конкретных заслуг Е. П. Султановой перед российской культурой. Она 48 лет занималась литературной деятельностью, являлась к тому времени «единственным из живых сотрудников» знаменитого журнала «Отечественные записки» (работала в нем в период редакторства В. Г. Короленко и Н. К. Михайловского), много лет безвозмездно преподавала на Высших женских курсах в Петербурге⁷⁰.

В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН нам удалось выявить еще один интересный документ по этой теме. Это письмо академика С. Ф. Ольденбурга, направленное в марте 1925 года главе Советского правительства А. И. Рыкову, с просьбой о «назначении персональной пенсии для Л. Д. Блок (вдовы поэта и дочери Д. И. Менделеева).

В этом письме, в частности, говорилось следующее: «Зная ее тяжелое положение и помня, что я не выполнил бы свой долг, если бы не поддержал просьбы Л. Д. Блок... обращаюсь к Вам как

к Главе Правительства республики, всегда с такой чуткостью откликающимся на все нужды науки и литературы»⁷¹.

Председатель Совнаркома это ходатайство с положительной резолюцией направил в Главное Управление научных учреждений Наркомпроса («Главнаука»), для решения вопроса по существу.

В свою очередь, Главнаука затребовала с «заявителей» еще ряд документов. Среди них в Наркомпрос был направлен «Отзыв о творчестве А. А. Блока» за № 68 от 14 апреля 1925 года, подготовленный Всероссийским Союзом писателей, и протокол № 3025 ленинградского «Отдела медицинской экспертизы и контроля» «о пониженной работоспособности Л. Д. Блок»⁷².

В этой связи вспомнилось одно событие из истории Академии наук, произошедшее на четверть века ранее описываемых «хлопот» о пенсии Л. Д. Блок. Летом 1899 года, по ходатайству президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, была увеличена до 3 000 руб. сумма пожизненной пенсии старшей дочери А. С. Пушкина И. А. Гартунг. Следует заметить, что тогда властные структуры смогли принять данное, вполне справедливое, решение, избежав соблазна затребовать компетентное мнение специалистов «о творчестве А. С. Пушкина»⁷³.

В те годы руководители Академии наук вполне резонно и справедливо считали, что даже «далекие» по времени заслуги перед отечественной культурой и наукой могут рассчитывать на признательность государства и общества. Так, в октябре 1925 года Академией наук было направлено в Наркомпрос письмо с просьбой оказать содействие «в получении образования потомкам академиков Леонарда Эйлера, П. Л. Чебышева, К. С. Веселовского и Н. Н. Бекетова»⁷⁴.

Руководителями Академии наук хватало принципиальности и мужества заступаться и за тех своих коллег, просто сограждан, над которыми уже «был занесен карающий меч революции».

Так, 6 июля 1922 года академиками А. П. Карпинским и С. Ф. Ольденбургом была отправлена срочная телеграмма председателю ВЦИК РСФСР М. И. Калинину следующего содержания: «Просим смягчения участи приговоренных к смерти по церковному процессу»⁷⁵.

В сентябре 1925 года академик С. Ф. Ольденбург письменно обратился к секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе с просьбой «облегчить

участь арестованного по “лицейскому делу” Н. В. Верховского»⁷⁶. Ученый заметил, что решился написать это письмо, «хорошо зная, с какой добротой Вы отзывались на подобные просьбы во многих других случаях».

В июле 1927 года академик Н. Я. Марр написал письмо наркому просвещения А. В. Луначарскому с просьбой оказать помощь арестованному заведующему дворцом-музеем в Гатчине В. К. Макарову⁷⁷. Через несколько дней академик отправил А. В. Луначарскому дополнительно телеграмму, в которой просил «принять» жену этого музейного работника и «выслушать ее просьбу».

Можно было бы продолжить подобные примеры, свидетельствующие о верности своему гражданскому долгу и о высокой нравственной позиции академических ученых.

Приведенные выше факты позволяют более отчетливо понять всю глубину драматизма событий, которые произойдут буквально через несколько лет, в ходе великого перелома, «произошедшего» и в СССР, и в самой Академии наук.

Наступила другая, «Великая эпоха», когда стало для академических ученых возможным подписывать резолюции о том, что сметены «все расчеты классового врага и разгромленных буржуазно-помещичьей Промпартии Рамзиных и Рябушинских и кулацко-эсеровской партии Кондратьева и Чайнова».

Изучение истории деятельности Академии наук в первые годы Советской власти показывает, что ученые придавали перво-степенное значение роли культуры в советском обществе, считали, что свершившаяся революция должна придать ускорение и размах развитию культуры в СССР.

Расскажем еще об одном малоизвестном эпизоде из истории Академии наук. В августе 1927 году нарком просвещения А. В. Луначарский обратился к неперемемному секретарю Академии С. Ф. Ольденбургу с просьбой написать небольшое предисловие к только что созданному Наркомпросом журналу «Культура и революция»⁷⁸.

С. Ф. Ольденбург охотно откликнулся на эту просьбу и уже 6 сентября 1927 года вместе с ответным письмом направил текст своей статьи для нового журнала. В ней Сергей Федорович, в частности, написал следующие строки: «Мы убеждены в том, что та революция, которая произошла у нас, была не только стихийно-разрушающая, а и революция культурная, не сметающая культуру,

а очищающая и оживляющая ее... Революции должны не разрушать культуру, а вносить в нее новые жизненные начала»⁷⁹.

Полагаем, что эти строки вполне можно считать подлинным «credo» того времени академического сообщества советских ученых.

Примечания

1. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1917. Д. 11. Л. 16.
2. Там же. Р. IV. Оп. 1. Д. 466. Л. 1–2. (Оригинал на английском языке, перевод текста — В. С. Соболев).
3. Там же. Ф. 1. Оп. 2–1917. Д. 11. Л. 3.
4. Там же. Р. IV. Оп. 1. Д. 467. Л. 1–1 об. (Перевод с англ. яз. — В. С. Соболев).
5. Там же. Ф. 1. Оп. 2–1917. Д. 12. Л. 115.
6. *Грэвс В.* Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М.: Госвоениздат, 1932. С. 12
7. ПФА РАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 466. Л. 6–7.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 2–1917. Д. 11. Л. 19.
9. Подсчитано автором на основании документов ПФАРАН.
10. ПФАРАН. Ф. 109. Оп. 2. Д. 1. Л. 72–72 об.
11. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 223.
12. ПФАРАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 172. Л. 140 об.
13. Там же. Д. 173. Л. 166.
14. Там же. Д. 172. Л. 146 об.
15. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. С. 360.
16. Там же. С. 313–314.
17. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 269.
18. В архивном фонде Секретариата президиума ЦИК Государственного архива Российской Федерации нам удалось выявить любопытный делопроизводственный документ, датированный 27 июля 1925 года. В нем указывалось следующее: «По распоряжению Горбунова, просьба провести постановление о признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением СССР путем опроса членов ЦИКа, так как это весьма срочное постановление» (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 109. Л. 1.).
19. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 33. Л. 2.
20. Там же. Л. 3–3 об.
21. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (Далее СУ РСФСР). 1925. № 48. Ст. 363.
22. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. С. 326–327.
23. Там же. С. 330.
24. *Молас Б. Н.* Юбилейные дни // Научный работник. 1925. № 3. С. 43–44.

25. Там же. С. 47.
26. *Ольденбург С. Ф.* Академия наук Союза Советских социалистических республик за двести лет. Л., 1925. С. 19.
27. Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук (далее АББАН). Р. II–XII. Д. 24. Л. 3.
28. Отчет о деятельности РАН за 1919 год. Пг., 1920. С. 12–13.
29. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 171. Л. 29.
30. Там же. Л. 121.
31. АББАН. Р. II–XVI. Д. 77. Л. 168–168 об.
32. Отчет о деятельности РАН за 1923 год. Л., 1924. С. 52.
33. АББАН. Р. II–XVI. Д. 78. Л. 28.
34. *Соболев В. С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 160.
35. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 171. § 214. Л. 61 об.
36. Отчет о деятельности РАН за 1925 год. Л., 1926. С. 269.
37. ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 135.
38. Там же. Оп. 3. Д. 9.
39. АББАН. Р. II–XII. Д. 24. Л. 255–261.
40. Академия наук СССР за десять лет 1917–1927 гг. Л., 1927. С. 165.
41. Там же. С. 167–168.
42. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1925. Д. 174. § 253 (ОИФ).
43. Там же. § 160 (ОС).
44. Академия наук СССР за десять лет. С. 168–169.
45. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1925. Д. 174. § 163. (ОС).
46. Там же. Оп. 1 а-1927. Д. 176. § 28. (ОИФ).
47. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1928. Д. 73. Л. 8–9.
48. Там же. Ф. 164. Оп. 1. Д. 166. Л. 14–14 об.
49. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1927. Д. 176. § 123. (ОГН).
50. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 7–8.
51. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 170. § 77. (ОС).
52. Академия наук СССР за десять лет. С. 211–212.
53. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1926. Д. 175. § 284. (ОИФ).
54. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 51. Л. 16–18.
55. Успехи почвоведения // Доклады делегатов СССР на I конгрессе Международного общества почвоведения в Вашингтоне. М., 1927.
56. Академия наук за десять лет. С. 210.
57. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1928. § 177. (ОГН).
58. Академия наук за десять лет. С. 187.
59. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1922. Д. 1. Л. 332.
60. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1925. Д. 174. § 95. (ОИФ).
61. Там же. Оп. 1 а-1927. Д. 176. § 75. (ОИФ).
62. Там же. Оп. 1 а-1928. Д. 177. § 138. (ОГН) и § 68 (ОС).
63. Там же. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 79–80.
64. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 116 (ОС).

65. Там же. Л. 164–164 об.
66. Юбилей Л. Н. Толстого // Научный Работник. 1928. № 10. С. 85–86.
67. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1–1930. Д. 256. § 249. (ООН).
68. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 1. Л. 154, 167.
69. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 9 и § 67. (ОИФ).
70. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 284–285.
71. Там же. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 109–110.
72. Там же. Л. 148–149.
73. *Соболев В. С. Августейший президент*. СПб., 1993. С. 112
74. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 345. С. 74.
75. Там же. Оп. 1–1922. Д. 1. Л. 307.
76. Там же. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 309–309 об.
77. Там же. Ф. 800. Оп. 2. Д. 37. Л. 29–29 об.
78. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 1. Л. 49.
79. Там же. Л. 46–48.